

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ ЛЕГЕНДЫ В РУССКОЙ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XII–XIX ВЕКОВ

Легенды, связанные с историей и реликвиями Царьграда-Константинополя, в описаниях русских паломников появляются уже в памятниках Киевского периода. Отдельные сюжеты в составе произведений XIII — начала XVIII века¹ отмечались и комментировались исследователями и публикаторами таких памятников,² однако комплексного обзора репертуара константинопольских легендарных повествований, осмысления специфики их передачи паломниками ранее не предпринималось. В настоящей статье мы обратимся к этим вопросам, представляя русскую паломническую литературу в диахроническом аспекте ее развития.

По мнению специалистов, особый интерес с легендарной стороны описания Царьграда в эпоху Средневековья имеет «Сказание о святых местах, о Константине граде и о святых мощех, спасшихся в Иерусалиме и собранных Костянтином царем в нарицаемый Царьград» (далее — Сказание), обнаруженное М. Н. Сперанским в рукописи ГИМ. Собр. И. Е. Забелина. № 416 (с. 83–137).³ Рассматривая передачу легенды нашими паломниками, посетившими Константинополь в XIV веке, исследователь отметил, что их тексты являются ценным источником для изучения местного фольклора и его распространения на русской почве, но ответить на вопрос о полноте отражения репертуара греческой легенды в таких памятниках, с его точки зрения, не представляется возможным, так как «мы еще недостаточно знакомы с самой греческой легендой и ее историей» (с. 117). Согласно наблюдениям ученого, в описаниях паломников встречается прежде всего легенда, «связанная только с определенным кругом памятников и предметов, которые под руководством гидов осматривали посещавшие Константинополь <...> По характеру и содержанию эта легенда преимущественно религиозная» (с. 117–118). Сперанский реконструировал и репертуар сюжетов, приведенных или упомянутых в Сказании, и отметил, что большинство из них имеют уникальный характер и не известны по другим памятникам (с. 118). Это легенда об иконе Спаса (Халкопратийской), чудо свт. Николы о Димитрии⁴ и чудо от образа Николы о пострадавшем от потопления, об иконе Спаса и незаконном царе,⁵ об иконе Богородицы,

¹ Это такие памятники XIII–XVIII веков, как Хождения Антония Новгородского и Стефана Новгородского, «Сказание о святых местах, о Константине граде и о святых мощех», «Беседа о Царьграде», Ксенос иеродиакона Зосимы, Хождение Игнатия Смольнянина, Хождение Иоанна Лукьянова, Перегринация Ипполита Вишенского.

² См., например: Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия / Предисловие и прим. П. Савvaitова. СПб., 1872. Стлб. 57–136 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера столбца); Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707–1709 гг.) / Под ред. С. П. Розанова. СПб., 1914. С. 15 (Православный палестинский сборник; вып. 61); *Сперанский М. Н.* Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934. С. 36–37, 99–102, 117–123 (Памятники древнерусской литературы; вып. 4; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы); *Малетю Е. И.* Константинополь в русских средневековых хождениях: К вопросу о взаимоотношениях империи и ойкумены // Русский исторический сборник. М., 2013. Вып. 5. С. 18–39.

³ Им же было установлено, что Сказание лежит в основе еще одного «царьградского» памятника, известного как «Беседа о Царьграде» (далее — Беседа), открытого Л. Н. Майковым в 1890 году.

⁴ «Въ заду олтаря Софеи на восток есть церковь свягата Николы: таа церковь создана у Дмитреевы полаты, гдѣ посадилъ свягати Никола, выимя из моря, свягата Дмитреа» (с. 131).

⁵ «Тоть ж образ свягати Спасъ, не трѣпя зрети от незаконникъ поругаема, повелѣ ангелом яти нечестива царя и привести пред ся. И емши ангели нечестиваго царя и принесоша в церковь свягата Спаса и положиша пред свягтым образом свягата Спаса и начаша бити нечестиваго царя, мучиша и крѣпко, данележе покаяся от незаконных дел. Тадж послаша и к патриарху, и пришед

посылавшей мастеров в Киев,⁶ о плакавшей иконе Богородицы,⁷ о потире в церкви Св. Софии,⁸ о «мовнице» имп. Константина,⁹ о двух женских статуях на Ипподроме.¹⁰ Уникальными эти легенды являются и для описания Константинополя паломниками Нового времени, к аналогичным сюжетам эпохи Средневековья отнесем и предания, сохранившиеся в других памятниках этого периода. Обозначим их для полноты рассматриваемой картины.

Уникальные легендарные сюжеты читаются уже в древнейшем паломническом повествовании о Царьграде — Хождении Антония Новгородского.

В описании храма Святой Софии в Хождении Антония Новгородского в форме топографической заметки передано чудо о ковре свт. Николая, известного из его Жития: «Ту же есть во церкви коверъ святаго Николы висить» (стлб. 63–64). К этому же типу легендарных сюжетов отнесем и подробно изложенную в памятнике легенду о «малъ дѣтища святаго Анѣфиногена», за душой которого Бог послал ангела, а Анфиноген испросил у него дозволения завершить вместе «со дѣтищемъ святую службу»: «И совершивъ Анфиногенъ службу со дѣтищемъ, и емъ за руку дѣтища, и поклонився Ангелу Господню и давъ его; Ангелъ же Господень, приимъ душу дѣтища, и иде къ Богу радуясь и веселяся, и славу возда Богу о спасении души отрочати» (стлб. 65–66).¹¹ Первый

царь к патриарху нача поведати, как мучиша ангели и отрицашяся перед патриархом своих беззаконных дел. И от тых времен бысть духовен» (с. 131).

⁶ В Сказании легендарный рассказ об основании Киево-Печерской лавры, известный по тексту Киево-Печерского патерика (XIII век), передан так: «...тая икона посылала мастеры на Киевъ ставити церкви Печерьскыя во имя святыа Богородица» (с. 130).

⁷ Согласно тексту Сказания, это была та же икона Богородицы, что и отправляла мастеров в Киев: «Тая ж икона плакала, коли фрязове хотели вынати, и слезы ея поймали пред нею церковники; жемчюгъ тые слезы положены. Таа икона много больных исцеляет» (с. 130). Специалисты, комментируя это сообщение, указывают, что легенда отсылает к четвертому походу крестоносцев (1202–1204), когда был захвачен и разграблен Константинополь и создана Латинская империя, просуществовавшая до 1261 года (см.: Малетю Е. И. Антология хождений русских путешественников XII–XV века: Исследования, тексты, комментарии. М., 2005. С. 245, прим. 3). Показательно продолжение приведенной легенды, известное по тексту анонимного Хождения в Царьград, содержащее пророчество об изгнании «фрязей». Учитывая вариативность сведений, зафиксированных в этом памятнике, в сравнении с легендарным рассказом-пророчеством из Сказания, приведем его полностью: «Та же икона плакала, коли фрязи взяли Царьград и держали 62 лета, но веры ради не мучили никого же, и пришедши пред икону сию, имаша слезы ея и запечаташа в рачище злате выделе стенном ту же пред иконою, а самых фряз много крестися. И пришед Калимох из Аравия, изгна фрязы, а град предася Настасу царю; и тые слезы сседошася аки жемчюг и до сего дни...» (Там же. С. 237).

⁸ «А над дверьми есть Спасъ чудотворный икона високо: тот Спасъ много больных исцѣляет. Пред тем Спасом висело поникадило, ретяз желъзна; к той ретязи привязан стъкляникъ с маслом, а под стъкляником стоит столпѣцъ камен, а на столпѣци чаша (и древо Ноева ковчега) окована желъзом ковчезным; в тую чашу масло капало с поникадила; урвався стъкляникъ с маслом и разби чашу на двои и столпѣцъ каменны разрази, а стокляникъ не разбися и масло ся не пролило. Тот столпѣцъ скован обручми желъзными, и чаша к нему прикована на видѣние крестяном и на исцѣление болным» (с. 129).

⁹ Напомним о том, что Сперанский, сопоставляя тексты генетически родственных Сказания и Беседы, отметил, что в последней рассказ о бани императора Константина передан подробнее, чем в Сказании. Следовательно, в их общем источнике читалось сообщение о «мовнице», точнее переданное текстом Беседы. Приводим по нему эту легенду о судьбе бани, опуская ее описание: «Рекоша ми нѣдци, яко после Лва царя 300 лѣтъ бысть мовница сии, мяхуся в ней, и не престаше вода текуци из бочки тоя, и фонарь горяще; и егда фрязи начаша взимати мзду, тогда тои болванъ испусти стрѣлу и удари в бочку, и бочка разсѣдся и фонарь погаше; они же отроша главу болвану тому; тѣмъ же многа фрязи истеряли узорочья» (с. 91).

¹⁰ «...есть на лѣвой сторонѣ на столпѣ двѣ женѣ каменных: тыи жены обличали, котораа жена от мужа блудить». Как показал издатель Сказания, в тексте Беседы это предание имеет продолжение, в котором говорится: «и не пушали их на Игрище, но отдале себѣ играли» (с. 134, прим. 38). Учитывая, что оба произведения по-разному отразили текст общего источника, можно думать, что в не дошедшем до нас памятнике эта легенда была передана в полносюжетном варианте.

¹¹ Возможная модель для этого фрагмента стала ветхозаветная история приношения Исаака в жертву Авраамом (Быт. 22: 1–19), но в царьградской легенде иначе оформлен ее финал.

издатель памятника П. И. Савваитов предполагал, что с этой легендой может быть связан упомянутый в Кеносе иеродиакон Зосимы «гробъ Кирьяка трилѣтняго» (стлб. 66, прим. 26), но самого сюжета в памятнике не содержится. Уникальна для паломнической литературы и легенда об иконе Спаса с недописанным пальцем на правой руке. Показателен не только ее сюжет, но и его передача автором, построенная как диалог иконописца и Спасителя: «...написанъ образъ Спасовъ великъ мусиею: и у правыя руки не написалъ палца; а весь написавъ, рекль писецъ, зря на нь: Господи, какое еси живъ былъ, како же ты есмь написалъ! И гласъ отъ образа глаголя: а когда мя еси видѣлъ? И тогда писецъ онѣмѣвъ и умре. И той персть не писанъ, но скованъ серебрянъ и позлащенъ» (стлб. 67–68). Отметим, что в хронологически близком Хождению Антония Новгородского Хождении игумена Даниила отсутствует такой тип передачи легендарного сюжета: автором древнейшего отчетственного описания богомолья в Иерусалим выбрана форма топографической заметки, которая долгое время будет преобладать в паломническом тексте эпохи Средневековья, а полносюжетные версии появятся только в XVI столетии. Оговоримся, что и авторы царьградских хождений прибегали к форме топографической заметки для передачи легендарных сюжетов. Пример тому — легенда об иконе Спасителя, отвернувшего лик от «человѣка въ ротѣ не по правдѣ», читающаяся в Хождении Антония Новгородского (стлб. 167).

Вариантом известного сюжета легенды о Богородице-экономиссе можно назвать сказание, записанное Антонием Новгородским о Богородице, явившейся игумену монастыря «за Испигасомъ», которая «повелѣла даяти милостыню, <...> донелиже и монастырь стоит; и нынѣ дають всякому человѣку хлѣбъ и вариво и по чаши вина <...>; и молитвами святыя Богородицы не оскудѣваетъ монастырь той» (стлб. 168–170); аналогичный сюжет известен и по синайским преданиям, зафиксированным нашими богомольцами разного времени, и по Житию Афанасия Афонского.

В описаниях средневековых писателей-паломников сохранилось немало легенд или отсылок к ним, связанных с иконами святых угодников Божиих. Большинство из них уникально, и в традиции рассказов о Константинополе Нового времени не зафиксировано. Так, в Хождении Антония Новгородского говорится об иконе святого Николая «Проби-лобъ», «прокованной» серебром (очевидно, серебряный оклад): «...а когда царь приидеть, и тогда открывають сребро, и цѣлуеть царь во главу, отнюдуже кровь шла, и паки покрывають сребром» (стлб. 170). Однако реконструировать полностью этот легендарный сюжет не удастся, как и не отождествлена комментаторами текста описанная икона с конкретным иконописным памятником.

Сперанский отметил еще и своеобразие легендарной версии сказания о Влахернском чуде, читающейся в Хождении Стефана Новгородского: как справедливо указал исследователь, новгородский паломник связывал чудо с осадой Константинополя персами, тогда как традиционно (Хроника Амартола) оно относится к нашествию на Византию Русов (с. 37): «И ту было знамение: приходилъ Хозрои, царь перскы, ратию къ Царюграду и уже хотяше взятии град; и бысть в Цариградѣ плачь великъ. Тогда прояви богъ старцу нѣкоему и рече: „Вземше поясъ святыя Богородица, и омочите конецъ его в море“. И сотвориша тако с пѣниемъ и плачем, и вѣмутися море и разби корабля их о градную стѣну» (с. 55–56). Неизвестны по другим паломническим описаниям и легенда о явлении иконы Богоматери на мучном лотке в Студийском монастыре, и сказание о кладезе «Иордане» в храме Святой Софии и русских каликах,¹² также читающиеся в этом произведении.

Еще одна группа легендарных сказаний связана с чудотворными иконами, хранившимися в разных храмах Константинополя. Отметим общность в передаче их сюжетов, где авторами, как правило, использована форма топографической заметки. В Хождении Игнатия Смольнянина в Царьград одна легенда повествует об иконе Богородицы во Влахерне, «иже явился святу старьцю в пустыни», вторая — «образ Спасов велики, от него же изыде глас прощения на одре лежащему человеку и верою кающуся

¹² Уникальность легендарных сюжетов для традиции описания Царьграда паломниками впервые отмечена Сперанским (с. 37).

своих согрешении», третья — «образ Христов, створшему чудо о купци Федори».¹³ Уникально и сообщение этого текста о другой реликвии — посохе патриарха Афанасия, полученном от Богородицы: «...и идехом в монастырь свягата Афонасия патриарха, ему же вдала посох на патриаршество свягата Богородица».¹⁴ А в Хождении дьяка Александра в Царьград явление Богородицы св. Андрею соотносится с иконой «святыи Богородицы, юже видь святыи Андрѣи на воздухъ за мир молящуся».¹⁵ Не находит себе подтверждения в других текстах и сообщение этого паломника о чудотворной иконе Богородицы, которую «поколел жидовинъ в шахматной игръ, и изошла кров, и нынѣ знати кров».¹⁶

К общему «фонду» царьградских хождений можно отнести такие легендарные сюжеты: предания о явлении ангела при построении Св. Софии (Антоний, Игнатий, Сказание), о Феодосии девице (Стефан, Сказание),¹⁷ об иконе Спаса, ходившей в Рим (Антоний, Сказание),¹⁸ об иконе Спаса, которую поколол еврей (Антоний, Стефан, Зосима, Сказание),¹⁹ о «поручном» Спасе (Антоний, Игнатий, Сказание),²⁰ об иконе Спаса, говорившей с Маврикием (Игнатий, Сказание),²¹ о Правосудах (Сказание, Зосима),²²

¹³ Малето Е. И. Антология хожений русских путешественников... С. 280.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 294.

¹⁶ Там же; курсив наш. — И. Ф.

¹⁷ Приводим эту легенду по тексту Хождения Стефана Новгородца. Речь идет о пространстве храма Святой Софии: «...ту стоит икона святыи Спасъ; о той иконѣ рѣч в книгах пишется, того мы не можем исписати, ту бо поганый иконоборец лѣствицу пристави, въсхотѣ съдрати вѣнецъ златы, и свягата Феодосиа опроверже лѣствицу и разби поганина, и ту свягую заклаша рогом козьим» (с. 51).

¹⁸ «Оттолѣйти поити к Манганом: есть монастырь на правѣ женскый во имя свягата Богородица <...> в той же церкви есть икона свягата Спасъ: таа икона ходила посольством к Риму к великому со грамотою по морю и во единъ день из Рима из великаго со иною грамотою пришла» (с. 132).

¹⁹ «У той же церкви на правѣ есть икона чудотворная свягата Спасъ: ту икону поколол жидовин повыше брови левое; коли поколол жидовин икону, тогда потекла из раны кровь и вода. Тогда, видевъ жидовин чудо престрашное, и ужасеся, возмъ икону, верже в кладезь, а сам отиде в дом свои скоро. Устретюша его крестьяне и узрѣша у него нож окровавлен, въпрашаху жидовину, гдѣ окровавлен бысть нож? Жидовин же не потаи чюда бываема, како поколол икону образ свягата Спаса, и како кровь испусти. Крестьяне ж яша жидовина и приведоша его ко царю. Царь жидовина вопроши, гдѣ скры свягата Спасъ? Жидовин же рече: „Онамо вврѣжен бысть въ кладезь“. Царь же с патриархом и множество людей идяху ко кладезю; пришедши, извлекоша икону образ свягата Спаса, видѣша образ кровавъ, кровь ж свягата образа запечаташа съ Христовою кровью, а икону поставиша въ церкви свягата Николы. Таа икона много болных исцеляет» (с. 131). В начале XIII века Антоний Новгородский эту легенду тоже слышал, но передал ее кратко: «...икона есть, въ ню же уразилъ жидовинъ Христа въ гортанъ».

²⁰ У Антония и Игнатия только обозначен легендарный сюжет, ср.: «Ту есть во прикупной образъ Спасовъ, егоже Феодоръ христианинъ далъ въ поручение жидовину Аврамию...» (стлб. 97). Представление о нем можно составить по тексту Сказания: «А от Василковъ поити на востокъ мѣжи стены и морем к Поручному Спасу: тот Спасъ поручилъся по крестьянине жидовину; крестьянин, возмъ добыток жидовина, истопи в море; жидовин же, слышавъ, что крестьянин добыток его истопил, иже жидовин поругати Спаса. И прииде къ Спасу и нача поругати образ. И в той час изверже море серебро его. Жидовин же, видѣвъ чудо, крестися сам и жена его» (с. 137).

²¹ В Сказании легенда передана так: «...есть икона свягата Спасъ: таа икона проглагола Маврикию царю. Рече свягата Спасъ Маврикию царю: „согрѣшил если, покаися. Аще ли не покаешия, то на сем ли свѣте хочѣшь мученъ быти или на оном?“ Царь же, слышавъ чудо велико, покаеся от беззаконных грѣхъ» (с. 135). У Игнатия Смольянина легенда зафиксирована в форме топографической заметки, но отмечена особенность чудотворного образа: «...и кону Господню, от нея же изыде глас царю Маврикию, в ней же вквано свягатахъ мощей много...» (Малето Е. И. Антология хожений русских путешественников... С. 281).

²² Несмотря на то, что авторов обоих памятников друг от друга отделяет незначительный временной промежуток, предание ими воспроизведено по-разному. У Зосимы сказано лаконично, что следует объяснить тем, что в его паломническом маршруте Константинополь был не единственным христианским центром, который богомолец посещал: «Ту же близъ того монастыря доспеты два болвана камена велика, се же были при Лве царе Премудромъ Правосуды» (Там же. С. 299). Подробности описания характерны для текста Сказания, ср.: «Далѣи поидамъ по Великой улицы есть на правои руцѣ Правосуды ис червленого мрамора, да гораздо было сотворено,

об иконе Богородицы, вещавшей к Марии Египетской,²³ и ее иконе, по преданию, написанной евангелистом Лукой.²⁴

Отмеченные сюжеты в основном характерны для памятников русского Средневековья, в эпоху Нового времени такого разнообразного легендарного репертуара в описаниях Константинополя уже не встречается, что объяснимо историческими реалиями. После завоевания Царьграда в 1453 году Османской империей посещавшие его богомольцы не имели возможности не только увидеть многочисленные реликвии бывшей византийской столицы, но под страхом принудительного принятия мусульманства не могли осматривать христианские храмы, превращенные в мечети. С XVI века паломники устремляют свои взоры в прошлое и вспоминают о былом величии Византии и ее главного храма — Святой Софии. История ее построения, как и легенды пророчества о падении Константинополя и возвращении его христианскому миру становятся основными легендарными сюжетами, занимающими рассказы наших паломников о городе. Рассмотрим специфику передачи таких легенд в паломнических описаниях подробнее.

Легенда о построении храма Святой Софии

Легенда о построении Св. Софии по-разному передавалась паломниками эпохи Средневековья и Нового времени. Во многом ее сюжетные ходы имеют параллель в древнерусском «Сказании о создании великия Божия церкви святыя Софея, яже есть въ Константѣнѣ градѣ» (далее — «Сказание о построении Софии»), известном, как отмечают специалисты, по «Летописцу Эллинскому и Римскому» и Хронографу.²⁵ Учитывая, что «Сказание о построении Софии» на русский язык было переведено до XV века,²⁶ не будет преувеличением сказать, что паломнические описания Антония Новгородского и других авторов XIII–XIV веков стали одними из первых источников, которые знакомили древнерусского читателя с легендарной историей построения храма Святой Софии. Особенности ее передачи нашими паломниками позволяют говорить, что текстуально они от «Сказания о построении Софии», как и друг от друга, не зависят. В случае и с этой легендой паломники разного времени, вероятнее всего, опирались на рассказы своих «вожей»-гидов. Поскольку без обращения к этому легендарному сказанию не обходился ни один паломник, именно его можно назвать «*общим местом*» паломнических рассказов при осмотре Святой Софии (что актуально для средневековых авторов) или воспоминаний о ней (что демонстрируют произведения

как люди; попортили их фрязове: один перебит на двое, другому руки и ноги перебиты и носа сражено. Тыи Правосуды рассуждали, ан кто кого поклѣпал многим сребром, да вложат Правосудом в руку: колко будет правых кун, толко возмут, да от поклепных кун руку сведет» (с. 134).

²³ Прочитируем Хождение Игнатия Смольнянина, так как его сообщение об этой Иерусалимской иконе Богоматери традиционно и для других паломнических описаний, называющих эту реликвию: «...поклонимся чудотворней иконе Пречистыя Богородица, от нея же изыде глас Марии Египетской, възброяя ей входа в святую церковь въ Иерусалиме» (*Малето Е. И. Антология хожений русских путешественников...* С. 279–280).

²⁴ Как правило, о ней сообщения всех паломников лаконичны и не содержат развернутого рассказа о событии, как в Хождении Игнатия Смольнянина: «Тут есть церковь святыя Богородица; также чудодѣйствует в пяток Страшной преславно. Есть бо в ней икона святыя Богородица, писание Луки Евангелиста» (Там же. С. 281). Хотя дьяк Александр с этой иконой связывал еще и сюжет о неугасимом 60 лет кадиле, ср.: «В Одегитрии икона святыя Богородици выходить в всякой вторник и творить чудеса, и кто с вѣрою приходить, здравие получает. Писал е сию икону Лука евангелист. Нѣкогда бысть иконоборение, и съхраниша сию икону в Пантократоръ монастыри в стѣнѣ; зажегше кандило пред нею, и тоже кандило 60 лѣт не угасло перед нею» (Там же. С. 293).

²⁵ Подробнее об этом см., например: *Давыдова С. А.* «Сказание о св. Софии цареградской» в Летописце Еллинском и Римском // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2001. Т. 52. С. 561–566.

²⁶ Об этом см.: *Белоброва О. А.* Сказание о построении храма святой Софии // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 386.

Нового времени). Многообразие сюжетных линий этого сказания по-разному отразилось и в их передаче паломниками. Забегая вперед заметим, что полносюжетный вариант истории создания храма, известный по версии «Сказания о построении Софии», встречается sporadически только в описаниях Нового времени.

Так, в эпоху Средневековья распространение имел сюжет о явлении ангела при построении храма: его передают Антоний, Игнатий и Сказание. Хронологически поздняя версия легенды, зафиксированная в тексте Сказания, представляет собой развитый сюжет и приурочена к приделу архангела Михаила в церкви Святой Софии: «Видя во притворъ есть ту придел церковь святаго Михаила: а в том приделъ явился святыи Михаилъ уноши, стражу рукоделнаго» (с. 128). Дальнейший рассказ организует диалог юноши и святого, который сообщает о построении мастерами церкви «во имя святаго Софея»: «Иди, рци мастером, да скоро да свершають церковь сию во имя святаго Софея». От ангела юноша узнает и его имя — «имя мое Михаилъ», он же посылает «рукодельника» к царю с известием о скором построении храма и открывает юноше, что будет стражем «святыа Софея и рукоделиа въ твоє мѣсто». В финале рассказа царь отправляет юношу в Рим с требованием, «да не возвратится въспят, да будет страж святыи Михаил дому святыа Софеи и Царяграда до его пришествия» (с. 129).

В хронологически раннем Хождении Антония Новгородского содержится только намек на рассматриваемый сюжет: «У олтаря же великаго на лѣвой странѣ мѣсто, идѣже глаголаше Ангель Господень ко отрочищу: не иду отъ мѣста сего, дондеже стоитъ святая София» (стлб. 70). С этим явлением автор соотносит и три иконы, которые «на томъ же мѣстѣ поставлены: а на нихъ написано три Ангелы» (стлб. 70–71). С легендарной историей построения храма в Хождении Антония Новгородского связано и воспоминание о праведной Анне, пожертвовавшей землю под своим домом для возведения храма: в «Сказании о построении Софии» об этом повествуется в главке под названием «Купление 1-е»²⁷ — рассказ о том, как император Юстиниан I скупал землю для построения храма. Дом одной вдовицы — Анны — «исцѣненъ бѣ на 200 и на 80 литръ злата», но никакие уговоры не могли ее заставить отдать его. Пришедшему к ней Юстиниану Анна отказала принять золото, но пожелала быть погребенной возле своего дома: «И общася ей царь погresti ю ту и по съврѣшении церкви поминати ю» (стлб. 61, прим. 18). Это сообщение в Хождении Антония Новгородского уникально для паломнических рассказов о храме Св. Софии и не известно по другим памятникам. Для его фиксации автор выбрал распространенную в паломническом тексте того времени форму топографической заметки, которая не предполагала подробного рассказа или изложения события, а содержала намек на него как на всем известный факт. В описании реликвий, сохраняемых в храме Святой Софии, в Хождении Антония Новгородского читаем: «И за тѣмъ крестомъ лежитъ Анѣна, иже давала дворъ свои святыи Софьи, на немже и поставленъ малый олтарь, и того ради положена бысть ту» (стлб. 60–61; курсив наш. — И. Ф.).

С сюжетом «Сказания о построении Софии» связано и сообщение Антония Новгородского о мраморном камне, увиденном им в храме, который есть «кладязь Самарѣйска, у негоже глаголаше Христосъ къ самаряныни: дай же ми воды пити...» (стлб. 80–81). Об этом же самарийском колодеце рассказано в «Сказании о построении Софии».²⁸ Сведения Стефана Новгородца о том, что «Святы Софеи иматъ двери 365, так ж и престолов, окованы хитро велми...» (с. 53), также восходит к «Сказанию о построении Софии»²⁹ и основано на числе дней в году: по словам Сперанского (с. 66), эта легенда находит себе параллели и в других сказаниях, известных на Востоке и на Западе, как, например, 365 ступеней, ведущих на Капитолий в Риме.

Условно к этой же легендарной группе отнесем чудеса, произошедшие в храме Святой Софии и зафиксированные, очевидно, со слов проводников, нашими паломниками.

²⁷ Летописец Еллинский и Римский: В 2 т. / Изд. подг. О. В. Твороговым, С. А. Давыдовой. СПб., 1999. Т. 1. Текст. С. 365.

²⁸ Ср.: «Устье же святаго кладязя принесено бысть изъ Самариа, того ради именуется тако, занеже на немъ Господь нашъ Исусъ Христосъ к самарянынѣ бесѣдовалъ» (Там же. С. 370).

²⁹ Ср.: «...а двери бысть по всеи церкви 300 и 65 именитыхъ церкви» (Там же. С. 367).

Такое чудо, относящееся к 1200-му году («чудо свято и честно явилъ Богъ въ лѣтъ 6708-е, при моемъ животу, мѣсяца маяя»; стлб. 78), описано в Хождении Антония Новгородского и рассказывает о событии, случившемся в алтаре храма Святой Софии, когда «З кандила со крестомъ Духомъ святымъ вознесошася горѣ выше великаго креста, и паки снидоша тихо, и не угасла» (стлб. 77). Прямо о Божием присутствии в храме Софии сообщает еще одно предание цитируемого памятника о Богородице, которая в ночи молилась «къ Сыну своему и Богу нашему за родъ христьяньский», что видел «святыи попь» — «стражь нощный» (стлб. 79). Такие сюжеты, наряду с описаниями многочисленных реликвий храма, должны были способствовать реализации идеи его великой святости и особого пощения Богом о христианах. Показателен дидактическо-проповеднический финал легенды о трех кандилах, поставленных в храме его строителем императором Юстинианом, который известен по тексту Хождения Антония Новгородского: «...хочеть ны дати Богъ жития, якоже при Коньстантинѣ было, и болѣ нынѣ того будетъ: приведетъ Богъ поганяя Жидове во крещение, и будутъ христьяне во единой любви, не имуще рати между собою; но токмо на тѣхъ имуть воевати, кто не восхочеть во крещение внидти, да и волею и неволею принудитъ ихъ Богъ внити во крещение; обилия же всего добра на земли будетъ множество, и правда, и святымъ житиемъ начнутъ жити людие, обиды же не будетъ; земля изнесетъ плодъ отъ себе Божиимъ повѣлениемъ, аки медъ и млеко, добраго ради жития христьяньскаго» (стлб. 78).

С историей построения Святой Софии связан и легендарный сюжет, переданный подпоручиком Ильей Сысоевым, побывавшим в Константинополе в 1817 году. Причины построения храма он объяснил так: «Чрез одну улицу находится и мечеть Софийская, она находится близ дворцовых ворот. О Софийскомъ храме пишет Дорофей, митрополит Монеувасийский, что въ лето от воплощения Христова 531-е, въ царствование греческаго царя Устиниана, на учрежденное некогда им конское ристание, т. е. иподром, когда стеклось отвсюду великое множество народа, тогда въ продолжение обыкновенно бывает между собою сражение. Более 35 000 лишились жизни, забавляющихся таковыми играми разнаго рода людей. По окончании жъ сего самопроизвольнаго кровопролития Устиниан царь, возжелев убиенных и сокрушаяся о их преждевременной смерти, помышлял, чемъ бы возмог умилистити своего Создателя, раздраженнаго убивством. Пришло ему на мысль соорудити храм, могущей своим великолепием удивить вселенную».³⁰ Заметим, что этот сюжет отсутствует в «Сказании о Святой Софии», а сам автор отсылает читателя к «Дорофею, митрополиту Монеувасийскому», т. е. имеет в виду Хронику, приписываемую митрополиту Монеувасии Дорофею, переведенную на Руси в середине XVII века и сохранившуюся в многочисленных списках XVII и XVIII веков. Этот же сюжет вспоминал и современник Ильи Сысоева, крестьянин Яким Васильев, но в его пересказе легенды о Святой Софии присутствует еще и сообщение о Божией помощи императору в построении храма, когда неизвестный юноша даровал императору-строителю недостающее золото, и рассказ о создании храмовой трапезы из золота, серебра и драгоценных камней:³¹ в составе «Сказания о построении Софии» эти сюжеты известны как «Чудо 2-е о недоставшем златѣ» и «О святѣи трапезѣ».³² Показательна передача последнего сюжета у крестьянина-паломника начала XIX века, представляющего собою один из вариантов легенд-пророчеств о возвращении Константинополя христианам: сообщая, что трапеза потонула вместе с кораблем, когда все храмовые сокровища были отправлены из Византии во время ее взятия турками в 1453 году, со слов греков (очевидно, проводника) автор уточнил, что «когда Царьград взят будет благочествым царем христьянским, то того судна все украшение церковное и престол Господень вьнесено будет в церковь Софии, Премудрости Божия...».³³ Это легендарное известие может быть отнесено уже к легендам-пророчествам о падении Византии.

³⁰ «Путевые записки» подпоручика Ильи Сысоева / Подг. текста, комм. И. В. Федоровой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2020. Т. 20. С. 175.

³¹ Путешествие крестьянина Якима Васильева // Там же. С. 227–228.

³² Летописец Еллинский и Римский. С. 368–369.

³³ Путешествие крестьянина Якима Васильева. С. 228.

Легенды-пророчества о падении Византии и возвращении Константинополя христианам

Уже в эпоху Средневековья паломники были знакомы с преданиями-пророчествами о падении Византии и ее возвращении «христианскому царю». Записанные легенды условно можно разделить на две группы: уникальные предания и легенду о рыбке, передаваемую богомольцами начиная со Средневековья. Рассмотрим первую группу легенд, наиболее вариативную.

Пророчество о падении Константинополя было известно уже в конце XII — начале XIII века Антонию Новгородскому и далее в царьградских хождениях не встречалось: «На странѣ же дверей стоит икона велика: а на ней написанъ царь Корлѣй о софосѣ, и у него камень драгий въ челѣ, и свѣтитъ въ нощи по святѣй Софѣи. Той же царь Корлѣй, возьмъ грамоту во гробѣ у святаго пророка Данила, и переписалъ ю философски, кому же быти царемъ во Царѣградѣ, дондеже и стоитъ Царѣградъ» (стлб. 68–69). Савваитов отождествил названного в легенде царя «Корлѣй» с императором Львом, которому приписывается 17 предсказаний о будущей судьбе Константинополя (стлб. 68, прим. 30).³⁴ Некоторые из них сохранились и в описаниях русских паломников. Как вариант легенды, приведенной в Хождении Антония Новгородского, может быть рассмотрено сообщение, читающееся уже в памятнике XIV века, в известном нам Сказании: «...на правой сторонѣ в притворе есть иконы двѣ: тыи иконы писал Премудрый Левъ: на одной писал цари, а на другой писал патриархи; цареи писал 80 до скончания Царяграда, а патриарховъ писал 100. На одной написано царевь 80 без 3-х, а еще трем царем быти, а на второй патриархи: было 100 и 30 без единого, а еще 13-мъ быти. И си цари минут и патриархы, тогда Царюграду скончание будет...» (с. 133).

В описании мечети Айя-София, по традиции называемой паломником начала XVIII века Ипполитом Вишенским «церковью Премудрости Божия София», читается такая легенда: «В той церкви есть двери на всходѣ солнца, а за дверми пещера: когда турчинъ взялъ Царигородъ, тогда оние двери сами замкнулися; и до днесь нѣхто не можетъ одомкнути. Единъ паша хотѣлъ прислужитися цареви, поднялся отомкнути двери. Царь ему на волѣ далъ и радъ былъ сему. И пошолъ той окаянный, паче жъ проклятый, взявши воиновъ зъ собою много; пришедши въ церковь, возьмъ секиру, хочеть двери ломати, але невидимо сила Божия отъять отъ него руцѣ, и назадъ завратисаша, потомъ же тутъ напрасно издше, о чомъ християне возрадовашася, о преславномъ чудеси пресвятой Дѣви. И в той церкви мечети подѣлали турки, а христианомъ нѣлзя увойти въ церковь подѣ заповѣдью смертною». ³⁵ Эту же легенду, но без подробностей в середине XIX века пересказывал иеромонах Иероним из Николо-Пешношского монастыря, связывая ее с падением Константинополя в 1453 году и с Золотыми воротами городской стены: «Султанъ взшел в сей городъ через полуразрушенныя Златые врата победителем и тогда же повелел их заложить. Доныне стоит Пролом с вратами в том же разрушении, весь поросший древами смоковниц». ³⁶ Стоит добавить, что подобные легенды представляют собою вариант известного мирового сюжета «прение о вере».

Тесно с историей взятия Константинополя турками связана легенда о рыбках, которую в полносюжетном варианте или в форме топографической заметки передавали паломники разного времени. Жиздринский купец Анисим Симоченков, побывавший в Константинополе в 1852 году, пересказал ее так: «Во время осады Константинополя турками самый жестокий приступ был зделан недалеко отъсюда, у заставы св. Романа. Варвары, расположивъ здесь свой лагерь, истребили прелестныя рощи, разрушили церковь и засыпали целебныя воды источника. Когда турки вломились

³⁴ Напомним о том, что с именем Льва IV в описаниях средневековых паломников связана и легенда о каменной жабе, которая «при Лве Премудромъ по улицамъ ходя, сметие жерла, а метлы мели. Встануть по рану люди, а улицы чисты» (Ксенос иеродиакон Зосимы, цит. по: *Малетто Е. И.* Антология хождений русских путешественников... С. 298).

³⁵ Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон. С. 15.

³⁶ Книга странствий иеромонаха Николо-Пешношского монастыря Иеронима (Суханова) в 1858 и 1859 гг. в Иерусалим и гору Афонскую: Дневники, зарисовки. М., 2014. С. 32.

в город, священник, сидя подле одного протока незасыпанного, спокойно жарил для себя рыбу. Ему известили, что город турки взяли. Он отвечал, что скорее эта жариная рыба сделается живою, нежели туркам взять город. И тогда будто эта рыба в самом деле спрыгнула со сковрады в священный источник, где плавает и до ныне, которую видел своими глазами. Название сему месту отъ турокъ — Бolkь-лы, то есть Урочище рыбь, и ныне называют все Балуклиею».³⁷

К числу пророческих легенд относится и легенда, связанная Ипполитом Вишенским с именем «премудрого царя» Льва, тогда как у других паломников, как отметил С. П. Розанов, она приписывается императору Константину: «...стоит столпъ, единъ камень немурований, сажней у двадцать и болшей, ставиль его премудрый царь Левъ, а написаль на немъ пророчески: „Въ остатние времена Константинополь будетъ во владѣнии восточнаго царя“. Тие слова есть и до днесь написание на столпѣ, и того столпа хотѣли турки колко разъ изломати, тико жъ сила Божая не допоскаеть имъ; если турчинъ идетъ мимо столпъ, то, глянувши на писмо, плюеть».³⁸ Комментируя это сообщение паломника, Розанов отмечал, что в памятнике не было названо имя ни одного из этих византийских императоров, однако народное предание связывало предсказание о будущем Константинополе именно с императором Львом Мудрым.³⁹ В передаче пророчества, приуроченного Ипполитом Вишенским к египетскому обелиску, поставленному императором Феодосием Великим в 390 году, публикатор обращал внимание и на надпись, считая ее происхождение легендарным, однако «когда и каким путем приурочена она к этому памятнику — решить трудно».

К пророческим легендам о судьбе Константинополя отнесем и легенду о Золотой (Замурованной) колонне в Хождении Иоанна Лукьянова, неизвестную по другим текстам: «А писано про етот столпъ: когда будет Царьград потопленъ, тогда толко адинъ сей столпъ будетъ стоять; и корабленики, кои придут и станут к тому столцу корабли привязавать, а сами будут рыдати по Царюграду». В нем же, по словам Лукьянова, «гвоздь Господень заделанъ».⁴⁰ Легенда-пророчество о Змеиной колонне этим паломником передана в уникальном варианте. Описывая ее архитектурные особенности, он заметил, что бывшие на памятнике «три главы змиевы» в 208 году «с того столпа свалились доловъ», поэтому «турки зело ужаснулись того столпа разрушению, а сами-де говорят: „Уже-де хочет Богъ сие царство у насъ отнять да иному царю предать, христианскому“. Сами, милые, пророчествуют неволею».⁴¹ В форме топографической заметки в этом произведении передано и пророчество о вратах Святой Софии: «А пределы в нем все замуравлены, а иные врата сами замуравились. Турчанин нам указывал, что де не турча замуравил, Богъ-де. А что в том пределе есть, и про то и греки, и турчество не знают; какое там таинство, про то Богъ весть».⁴²

Говоря об уникальных вариантах легенд-пророчеств, стоит отметить и легенду, читающуюся в описании богомолья уже упоминавшегося крестьянина Якимаса Васильева. Рассказывая о храме Святой Софии, он передает местное предание о якобы существовавшем запрете туркам входить в бывший алтарь церкви, так как все посещавшие его иноверцы умирали: «А зделанная царем Иустинианом церковь София, или Премудрости Божии, и ныне стоит на том же месте, не разорена турками, а толко в ней турки по своему обряду совершают свое богомоліе. А в олтарь, въ коем была у христиан та святая трапеза, никто ис турок не входит, ибо он так и стоит закладен. А когда турки взяли Царьград и стали въ сей церкви свое богомоліе совершать, и стали было входить во святые олтарь, то все начали умирать, или другие призывали христиан-

³⁷ Воспоминание поклонника ко святым местам в Палестине и Синая Анисима Симоченкова // РНБ. Собр. Тиханова. № 827. Л. 19–19 об.

³⁸ Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон. С. 16.

³⁹ Там же. С. 124.

⁴⁰ Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701–1703 / Изд. подг. Л. А. Ольшевская, А. А. Решетова, С. Н. Травников. М., 2008. С. 41.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 39–40.

ских священников, чтобы тех выводили живых, а сами они не выдут. В некоторое одно время взошел в олтарь и сам царь, салтан турецкой, и не мог выти из него, доколе не призвал греческаго патриарха, которой, помолившись Богу, его и вывел. После сего салтан наложил клятву, чтоб никто из турок не въходил в тот олтарь, потому и ныне не входят, и стоит закладен. А христиане повествуют, что из святаго олтаря благодать Божия неизъшедшая, потому по всему сему и гадают, что будет въпредь царь христианской, и святы престол будет поставлен на своем месте». ⁴³

Обобщая сказанное, еще раз отметим следующие моменты. В описаниях Константинополя паломниками эпохи Средневековья, в отличие от текстов богомольцев Нового времени, репертуар местной легенды был более богатым и разнообразным, связанным как с историей построения храма Святой Софии, так и с реликвиями местных церквей. Форма фиксации легенды не была лимитирована принципами описания и отличалась многообразием: наряду с лаконичным вариантом передачи сюжета и формой топографической заметки распространение имела и полносюжетная версия легенды, характеризующаяся последовательным изложением события, описанием его обстоятельств и деталей, использованием диалогов героев. В Новое время репертуар царьградской легенды не отличается тематическим разнообразием, что обусловлено исторической действительностью: посещая уже мусульманский город, паломники не имели возможности видеть и поклоняться всем реликвиям, которые были собраны в Константинополе ранее. Поэтому главной темой местных легенд этого времени становятся воспоминания о былом величии города (легенда о создании храма Святой Софии), пророчества о его гибели и возрождении через «восточного царя».

⁴³ Путешествие крестьянина Якима Васильева. С. 229.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-139-150

© Н. Ю. Алексеева

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ А. П. СУМАРОВОВА В ПОДГОТОВКЕ БОЛЬШОГО МАСКАРАДА («ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ МИНЕРВА») 1763 ГОДА

Маскарад, вошедший в историю как «Торжествующая Минерва», ¹ привлекает исследователей и любителей XVIII века в особенности в последнее время, когда увлечение празднествами, а одновременно и аллегориями потеснило интерес к чисто литературным проблемам. Сегодня редкая работа, посвященная литературе или культуре екатерининского времени, обходит маскарад молчанием. Немало в последние десятилетия появилось и специальных исследований, посвященных ему. Трудность изучения маскарада заключается в почти полном отсутствии документов, связанных с его подготовкой, ² а до недавнего времени и других источников, кроме брошюры «Торжествующая Минерва», ³ позволяющих судить о его содержании. Событием в отношении последнего стало обнаружение А. А. Костиным описания маскарада, сделанного де

¹ В период подготовки и представления маскарад назывался Большим маскарадом, реже карнавалом, впервые «Торжествующей Минервой» его назвал, по-видимому, Н. И. Новиков в «Опыте словаря о Российских писателях» (СПб., 1772. С. 39).

² Документы, касающиеся обеспечения полицейского надзора за общественным порядком во время маскарада, а также расходов по его устройству, опубликованы в кн.: Ф. Г. Волков и русский театр его времени. Сб. статей / Отв. ред. Ю. А. Дмитриев. М., 1953. С. 154–162.

³ Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большим маскарадом в Москве 1763 года, января ... дня. Печатано при Имп. Московском университете, [б. г.].